

— Мистер Хоуплес, я также возвращаю ваше личное имущество, которое было изъято в качестве улики.

Директор протянул конверт с вещественным доказательством, который он получил от Рейвена. Как только Хоуплес и секретарь убедились в том, что внутри находится кольцо, инкрустированное проклятым бриллиантом, их лица резко исказились. Оттолкнув перстень, его владелец произнёс:

— Кольцо принадлежит моей невесте.

Взгляд, которым директор смотрел на Хоуплеса, изменился. Перед ним явно сидел чокнутый. Со скоростью опытного в своём деле человека директор совладал со своим выражением лица и вежливо передал чужое сообщение:

— Она отказалась и от кольца, и от вашего предложения.

— Почему-у-у!

Крик взрослого мужчины эхом пронёсся по кабинету директора. Секретарь, привыкший к подобному поведению, умело успокоил Хоуплеса и подтолкнул кольцо на столе обратно начальнику полиции.

— В знак признательности мы бы хотели передать бриллиант в дар полицейскому управлению.

— Мы ценим вашу благодарность, но вынуждены отказаться.

Секретарь выглядел так, словно хотел устроить истерику, вслед за своим работодателем.

— Что ж, вам пора.

Как только Хоуплес удалился, директор обратился к Чейзу из Центрального бюро расследований:

— Пусть вы присоединились совсем ненадолго, но вы проделали огромную работу.

— Благодарю за гостеприимство и сотрудничество. Я очень рад тому, что дело раскрыто, теперь моё возвращение пройдёт с лёгким сердцем.

— Передай своему начальнику мои извинения. Поскольку дело было раскрыто нами, агентам из бюро оставалось лишь наблюдать, да ещё и покинуть нас с пустыми руками.

Как бы то ни было, директор, по своей сути, тоже полицейский и ненавидит Центральное бюро расследований.

— Тогда на этом всё.

Попрошавшись с директором от лица агентов Центрального бюро расследований, Чейз направился к двери.

— Ах!

«Пожалуйста, свали уже по-тихому».

Перед тем как выйти, Чейз обернулся, словно что-то забыл сказать, и, конечно же, решил насолить...

— Дело ведь ещё не раскрыто полностью. Искренне надеюсь, что вы как можно скорее разберётесь со всем остальным.

«Подлый мерзавец».

Рэйвен злобно посмотрел на коварную физиономию Чейза. Тем временем, как только дверь захлопнулась, суровый взгляд начальника направился в его сторону.

— Как продвигается дело Сердце Алой Королевы?

— Мы решим эту проблему в ближайшее время.

— Понятно, она всё ещё настаивает на том, что не воровала его.

Так и есть.

— Инспектор Хант...

Позвавший голос директора, прозвучавший на вздохе, выдавал его усталость из-за давления со стороны Министерства Иностранных Дел. Он снял очки и грубо потёр изнурённое лицо.

— Личность подозреваемого решили скрыть, но не твои ошибки.

— Я знаю.

— Разумеется, если разобраться, то это пустяк по сравнению с той ошибкой, которое допустило полицейское управление по отношению к тебе...

Взгляд директора заметно смягчился из-за чувства вины, однако Рэйвен испытал себя куда неуютнее, чем во время выговора.

— Этот инцидент не имеет никакого отношения ко мне как к офицеру полиции. Все ошибки, которые я совершил, требуют отдельного рассмотрения.

— Рад, что ты так думаешь.

Директор снова надел очки, вернувшись к роли обычного сурового начальника, и похлопал Рэйвена по плечу.

— Как бы то ни было, если сможешь вернуть этот чёртов рубин, я и вся верхушка сможем забыть о твоей ошибке.

* * *

Отныне я буду плохой! Всё, теперь это мой девиз. Я вела добродетельную жизнь, вот и попалась. Не зря говорят, рождённый ползать — летать не может¹, вот и преступник должен лишь преступничать, а не гнаться за высокими идеалами. Должно быть, система разозлилась, потому что я совершала добрые поступки, будучи злодейкой!

¹ Пословица «松の虫は 針を食ふ 針は 針の 針» в переводе звучит так: «Сосновые гусеницы должны есть сосновые иглы». Каждому — своё. Всё должно идти своим чередом.

Система, если ты вызволишь меня отсюда, я буду плохой до конца своих дней, поэтому, пожалуйста, дай мне ещё один шанс!

Я искренне молилась, но Бог так и не ответил. Единственное, что всплывало на экране системы, — это реакции организаций и групп, уведомления от которых поступали в сумасшедшем темпе.

[Фракция Роспуска Тунца смеётся над вами.]

[Семья Моллеоне высокого о вас мнения, но в то же время она не может скрыть своего разочарования.]

[Джаманчу нацелился на вас.]

[Фан-клуб «Всё, что блестит, — моё» шлёт вам слова непоколебимой поддержки.]

[Число членов фан-клуба «Всё, что блестит, — моё» за последние 24 часа сократилось на 583 человека.]

Нет, мне это совсем не интересно! Закрывая сообщения о благосклонности групп, которым не было конца и края, я про себя закричала: «Система, скажи хоть что-нибудь!»

Молчание мне было ответом — с тех самых пор, как меня арестовали.

Если так подумать, поскольку активировался режим плохой концовки, мне уже должны были выдать миссию или что-то в этом роде.

Маршрут плохой концовки не гарантирует буквальный конец, у меня всё ещё есть шанс его избежать.

Даже если меня задержали, арест не равно тюрьма.

В видеороликах, которые я смотрела давным-давно, кому-то удавалось избежать плохой концовки после выполнения задания. Но как только их ловили, кнопка обычного окна миссий становилась серой и больше не открывалась.

Значит, я сама должна избежать тюрьмы? Но как?

На ум пришли только два способа. Во-первых, избежать наказания во время судебного процесса. Но, опять же, как? Оправдательный приговор? Об этом не может быть и речи. Условный срок? Всё равно что ходить по тонкому льду, но, по крайней мере, я не попаду в тюрьму? Но это возможно только в том случае, если совершено мелкое правонарушение или оно было сделано впервые. Кража сотни драгоценностей — это ведь не мелкое правонарушение, да? Пусть меня и поймали впервые, мой арест нельзя приравнять к первому в жизни правонарушению, ведь наворовала я уже знатно, значит, про условный срок тоже можно забыть. Первый способ практически не осуществим.

Тогда...

Железная дверь, на которую я смотрела, обдумывая второй вариант, со звоном распахнулась.

— Ой! Напугали до чёртиков! Стучать не учили? — крикнула я от испуга, когда вошёл Хант, хмурясь из-за моей громогласной речи.

— Я так понимаю, вы уже думаете об этом месте, как о своём доме.

— Даже у преступников есть право на личное пространство.

— Есть, но оно ограничено в определённое время. Например, сейчас.

Хант закрыл за собой дверь и зашёл в комнату, держа в руке толстую папку.

И снова допрос.

Моя личность должна оставаться в тайне даже от сотрудников из полицейского управления, поэтому я сейчас не в камере для допросов. Следователи сами приходят в мой изолятор.

Бах.

Хант бросил папку с документами на стол посреди тюремной комнаты. На его лице читалась усталость. Хант расположился на стуле и жестом пригласил меня сесть напротив него. Он внимательно наблюдал за тем, как я подхожу и сажусь.

Как же всё усложнилось.

Глупый подчинённый, на самом деле, — хитрый вор. Его, должно быть, бушевают многочисленные эмоции.

Даже после того, как мы сели друг напротив друга, Хант ещё долго смотрел на меня, а затем начал свой допрос:

— Мисс Клэр Кент.

Как только Хант назвал меня по имени, я вздохнула.

— Поскольку вы не хотите раскрывать своё настоящее имя, пока я буду называть вас так.

Голос его был твёрдым, но очень спокойным и вежливым.

Точно булбуревуют чувства, да у него внутри всё кипит.

Глаза выдавали Ханта, но он не вымещал на мне свои чувства. Удивительно, ведь я была уверена, что ему уже невтерпёж загрызть меня прямо на этом месте, поскольку я не просто воровала, но ещё и водила его за нос².

² «(□) □□□» — обманывать/ставить в неловкое положение (дословно: кормить ётом; ёт — разновидность корейской традиционной сладости).

Это что, какая-то методика допроса?

Он же должен многое из меня вытянуть, поэтому загрызть не получится, иначе уже некому будет говорить.

— Есть какие-то неудобства?

Начать с вопроса, не имеющего никакого отношения к допросу, — это расчётливый ход.

— Дом не мой, так что жаловаться, пожалуй, не буду.

Я вернула ему его же фразу, когда он только вошёл, однако Ханта это ничуть не смутило.

— Тюремная камера предназначена для задержания, а не пыток. Если возникнут какие-то неудобства, смело говорите об этом.

— Значит, можно? Что ж... Начнём с матраса, он настолько тонкий и жёсткий, что моя спина отваливается. А ведь я вот этими хрупкими руками спасала попавшего в беду старшего инспектора, пусть и никакой беды там не было...

Я ненавижу вас настолько, насколько же и вы меня. Так воспользоваться чьей-то добротой.

— Кажется, я потянула связки на спине и руках...

Я издала болезненный стон, похлопав себя по пояснице на виду у Ханта, словно выставляла напоказ последствия доброго поступка. Его безэмоциональное лицо, казалось, треснуло.

Благодарности уходят за перевод птенчику и за корректуру Animov.

<http://tl.rulate.ru/book/95406/3358161>